

39. AI INDEX: IOR 53/005/2001, Universal Jurisdiction: The duty of states to enact and enforce legislation.
40. Article 8(2)(a)(iv), Elements of Crimes Preparatory Commission for the International Criminal Court, PCNICC/2000/1/Add.2, 2 November 2000.
41. Respect for Human Rights in Armed Conflicts. Resolution 2444 (XXIII) of the United Nations General Assembly, 19 December 1968.

Internet resources:

42. Chapter 2: What is the Torture? A LICADHO (Cambodian League for the Promotion and Defense of Human Rights) Project Against Torture, report by Jason Barber, June 2000 http://www.ngoforum.org.kh/Woking_Group_Issues/Civilsociety/torture_report_2k.htm#CHAPTER%20.%20WHAT%20IS%20TORTURE.
43. Principles of International Treaty Law, <http://www.walter.gehr.net/principles.html>.
44. Use of Torture of Governments, <http://www.wordiq.com/cgi-bin/knowledge/lookup.cgi?title=Torture> visited on March 26, 2004.
45. International Humanitarian law, International Committee for Human Rights, http://www.ichr-law.org/english/expertise/areas/hum_law.htm.

М. Т. Тюлегенов,
старший преподаватель направления
«Международная и сравнительная политика»,
Американский университет в Центральной Азии

Лоббизм в постсоветском Кыргызстане

Введение

Почему в Кыргызстане не возникает институтов, связанных с лоббированием – вот вопрос, который может возникнуть при общем взгляде на почти двадцатилетнюю историю построения различных политических институтов в стране. Политические институт связаны с вопросом власти, которая в своем практическом проявлении является выражением чьих-то интересов. Понимание политики как пространства борьбы за власть можно определить и как борьбу различных интересов. Множество словарей определяют лоббирование как давление на органы государственной власти с целью продвижения своих интересов. Государство как часть политической системы не является чем-то нейтральным, выражающим (в понимании Ж. Ж. Руссо) интересы «общей воли», а постоянно испытывает на себе давление чьих-то интересов.

Слово «лобби» было использовано впервые в 1808 году (9, с. 200), так что это понятие в современном смысле существует как минимум двести лет. В то время как «лобби» означает прямое и целенаправленное продвижение чьих-то интересов в органах государственной власти, «лоббирование» означает действие по продвижению

интересов, то «лоббизм» – это система отношений, сложившаяся между различными группами интересов и органами государственной власти.

Система современного государственного управления предполагает выражение интересов различных групп, имеющих различные интересы, которые отражаются в решениях, принимаемых в этой системе. Насколько бы ни была централизована система управления, в ней присутствуют различные интересы, носителями которых являются как группы внутри самой системы государства, так и внешние по отношению к ней группы. А система управления современного государства (совсем или не совсем демократического), более того, предполагает наличие разнородных интересов. Координация этих интересов является одной из важнейших функций системы государственного управления, и регулирование практики лоббирования является одним из способов выполнения этой функции. То, чьи интересы и как выражает государство в принимаемых повседневно решениях, можно считать одним из важнейших вопросов политической теории, и, в частности, демократических теорий. В этом отношении система принятия решений выходит за рамки чисто электоральной демократии и переходит в плоскость функционирования множества государственных органов на различных уровнях.

Институциональное строительство системы государственного управления в Кыргызстане достаточно серьезно несет в себе идеальный нормативный аспект, в то время как существующее общественное обсуждение не совсем соответствует реальности взаимодействия различных игроков внутри этой системы. В основном обсуждение сводится к обеспечению прозрачности процесса принятия решений или же к обеспечению доступа к процессам принятия решений для организации гражданского общества, чьи интересы, как правило, трактуются как противоположные интересам государства (или, точнее, властных структур в государстве).

Можно предположить несколько причин, по которым лоббизм не привлекает к себе достаточного внимания в качестве ясно выраженного подхода для обеспечения координации различных интересов в процессах принятия решений органами государственной власти в Кыргызстане. Одна из причин – это существование других институциональных приоритетов при проведении реформ в 90-е, а затем уже и в 2000-е годы в постсоветском Кыргызстане. Другая – это исключение решения корыстных интересов путем обеспечения общей прозрачности и, в частности, доступа к процессам решения для гражданского общества. И, пожалуй, одной из самых важных причин является укоренившееся неверие в возможность противостоять превалированию частных интересов путем их формального законодательного регулирования.

Теоретические основания

Целенаправленное воздействие групп интересов на власть с целью реализации специфических интересов получило название «лоббизм». Лоббизм – система и практика реализации интересов различных групп (союзов и объединений) граждан путем организованного воздействия на законодательную и административную деятельность государственных органов (1, с. 13). Реализация властных полномочий в государстве не может происходить без воздействия различных групп интересов на решения, которые производятся системой государственного управления. Лоббизм можно попытаться по-

нять через различные теоретические подходы, однако для стран переходного периода, вроде Кыргызстана, испытывающих все еще воздействие процесса базового институционального строительства, интересно затронуть те подходы, которые считаются основополагающими, поскольку они затрагивают природу государства и власти, а также понятие справедливости.

Система государственного управления является неотъемлемой частью институтов государства, и процесс целеполагания при ее дизайне является важным для объяснения того результата, который мы имеем. Теория общественного договора является одним из способов объяснения возникновения института государства. Ее вполне возможно применить и к пониманию возникновения такой функции, как согласование интересов внутри государства, а точнее – внутри системы государственного управления. Концепция общественного договора впервые используется Томасом Гоббсом в его работе «Левиафан». Возникновение государства объясняется в ней желанием избежать состояния «войны всех против всех». Для этого суверену отдаются все права, которыми обладают люди, и, согласно подходу Гоббса, возникающая система государственного управления отвергает наличие различных интересов, кроме тех, которые принадлежат суверену. Теория общественного договора, развитая позднее Джоном Локком, признавая причину возникновения государства нежеланием находиться в природном состоянии, в то же время подчеркивает необходимость создания системы управления, при которой власть суверена ограничивается наличием различных интересов, существующих в обществе. В какой-то степени можно трактовать подход Локка основывающимся на естественных правах, которыми он наделяет людей: правом на жизнь, здоровье, собственность и т. д. С точки зрения теории общественного договора, сам принцип формирования института государства через договоренность всех участников предполагает вовлечение их в процесс принятия самого важного решения – каким будет государство (или же какими будут институты государства). Если же гипотетическую ситуацию создания общественного договора рассмотреть не как одномоментный акт, а как процесс, протяженный бесконечно во времени, то этот подход может выглядеть как постоянный процесс обсуждения того, что есть государство на каждый, любой период времени. И это предполагает постоянное вовлечение различных групп, у которых есть свое мнение на этот счет, в формирование как государственных институтов, так и в инициирование и планирование действий, возникающих в рамках этих институтов.

Функционирование системы государственного управления может иметь различные цели, но часто подразумевается, что она предназначена для обеспечения справедливости. Как отметил арабский философ Ибн-Халдун, государство – это институт, призванный бороться с несправедливостью, кроме той, которую оно само порождает. Это определение государства, с одной стороны, закрепляет монополию на несправедливость за государством, но и придает смысл существованию государства в обеспечении справедливости. Если предполагать, что общество состоит из групп с различными интересами, то каким образом возможно обеспечить справедливость? Вопросам справедливости многие философы посвятили множество работ, от Платона («Республика») и Аристотеля («Никомахова этика») до современных мыслителей.

Интересен для нас подход Джона Ролза, который применяет (12) концепцию общественного договора для построения своей теории справедливости. Согласно ему, справедливость может быть достигнута, если система государственного управления будет

выстраиваться через договор, в который его участники вступают в полном неведении о своем понимании добра и зла и о своем месте в этой системе. То есть только при полном сведении к нулю субъективного фактора можно выстраивать общественные институты, которые отвечали бы критерию справедливости. В практике системы государственного управления этот подход можно заметить в применении принципа конфликта интересов, при котором не должны приниматься решения, если официальное лицо, принимающее решение, может получить материальные или иные блага как следствие этого решения (принцип «завесы неизвестности» Ролза).

Группы интересов важны для системы государственного управления, поскольку заявленные интересы являются основой выработки государственной политики, но наибольшее значение приобретает вопрос о принципах согласования этих интересов. Теория справедливости предполагает в качестве основного подхода воздаяние по заслугам. Важен также и вопрос о том, благодаря каким заслугам чьи-то интересы должны доминировать в системе государственного управления. В монархиях этот вопрос решается через наследственное право, в базовой модели демократии – это доминирование победившего на выборах большинства. Однако вопрос о справедливости можно рассматривать не только с точки зрения результата, который выдает система государственного управления, но и с точки зрения процесса принятия решений. Выборы, скажем, – тоже процесс, и результат выборов справедлив с точки зрения победившего большинства, но справедливость для меньшинства возможна, если есть возможность учета его мнения через другие процессы. К примеру, как неоднократно (в 2006 и в 2008 гг.) обсуждалось в Кыргызстане, возможность принятия закона об оппозиции, в котором партиям меньшинства гарантировались бы определенные важные позиции в системе государственного управления (к примеру, должность председателя комитета по бюджету парламента страны).

Некоторые практики регулирования лоббизма

Под лоббистской деятельностью понимаются всякие организованные действия различных групп, направленные на оказание влияния на органы государственной власти и преследующие цель реализации интересов этих групп. Существует следующая классификация типов лоббистской практики (11):

«хорошая»	«проблематичная»	«плохая»
1. Контакты с официальными лицами путем отправления писем или телефонных звонков. 2. Личные визиты. Социальные движения (отправка писем, телефонные звонки).	Организация роскошных угощений, развлечений. Туры, имеющие слабую легитимность (экзотические места, продолжительные, оплачиваются семьями официальных лиц).	Гонорары Незарегистрированные «профессиональные» лоббисты.

3. Проведение слушаний, на которые приглашаются официальные лица.	Агрегирование вкладов комитетов политического действия, не отражающих индивидуальных предпочтений.	Взятки, «откаты».
4. Организация образовательных туров.	«Мягкие» вклады (даются партиям на «общие» цели). Подарки от лоббистов.	Вложение денег без регистрации комитетов политического действия.
5. Фандрейзинговые кампании (в рамках закона).	Лоббирование от имени зарубежных организаций.	Превышение лимита вкладов, установленных Федеральной избирательной комиссией.

Данная таблица отражает реалии стран, где попытки регулировать вопросы лоббизма существуют не один десяток лет. Что касается практики стран переходного периода, то исследование (на основе анкетирования 500 фирм) лоббизма в России показывает наличие трех важных моментов: «советское наследие», преобладание личных связей, а не организационных, и захват государственных органов, принятие решения сильными экономическими группами интересов (8, с. 1018).

Как уже упоминалось, в базовой модели демократии политическая представленность через выборы играет значительную роль и, соответственно, большое внимание уделяется регулированию влияния частных интересов во время выборов. Во многих странах финансирование выборов рассматривается как вариант оказания лоббистского влияния и регулируется на предмет их финансирования различными группами интересов. В некоторых странах есть правило финансирования партий за счет государства и есть также определенные ограничения на сумму, которую можно использовать в ходе предвыборной кампании.

Ярким примером регулирования в этой сфере являются США, в которых основным источником финансирования кампаний являются частные лица. Другой легитимный источник финансирования – комитеты политического действия (political action committees), являющиеся частными группами, сформированными для поддержки тех или иных кандидатов. Индивидуальные вклады от частных лиц во время выборов лимитированы суммой в 1000 долларов, а вклады комитетов – суммой в 5000 долларов. Вклады от корпораций и профсоюзов запрещены. Эти комитеты вкладывают довольно много денег. К примеру, на выборах в конгресс США в 1992 году половина всех расходов кандидатов была покрыта вкладами комитетов (6, с. 644). Финансирование выборов является спорным вопросом, и все еще идет бурное обсуждение того, каким образом разграничить финансирование конкретного кандидата и финансирование продвижения какого-то вопроса. В налоговом кодексе США есть статья 527, которая регулирует эти вопросы и придает статус организациям, которые этим занимаются и называются «группы 527».

Процесс выборов – один из самых важных моментов в оказании влияния частных интересов, однако гораздо чаще лоббирование происходит уже в «рутинном» процессе функционирования выборных и административных органов государственной власти.

Различные группы интересов со стороны бизнеса, гражданского общества и самих государственных структур пытаются влиять на ежедневно принимаемые решения. Среди групп интересов бизнес-интересы повсеместно являются самыми активными и самыми многочисленными. Так, в Европейском союзе количество зарегистрированных групп интересов было самым большим (230 групп) и далеко опередило вторую по численности группу, занимающуюся вопросами экологии (143 группы) (7, с. 337).

Практика лоббирования в современных политических системах существует уже не одну сотню лет, и почти столько же времени продолжаются попытки ее регулирования. Одними из самых последних являются попытки реформирования в США (после выборов в Конгресс США в 2006 году), которые были одними из самых скандальных в плане вовлечения лоббистов в процесс выборов. Было принято множество законодательных поправок и ограничений, регулирующих лоббизм. Были и довольно противоречивые поправки: предложение обязательной регистрации всех организаций, которые планируют массовое обращение к гражданам с целью их прямого обращения к выборным политикам. Однако данное намерение вызвало протест множества организаций, которые посчитали, что это нарушит конституционное право на свободу выражения (9). Во многих странах есть также обеспокоенность так называемыми «вращающимися дверями», когда бывшие выборные и административные чиновники переходят на работу в лоббистский сектор. Например, в США 40% бывших конгрессменов после поражения на выборах в 1992 году занялись юридической практикой, занимающейся лоббизмом (9, с. 198). Об институциональном закреплении практики лоббирования в развитых странах свидетельствует также и то, что в общем наблюдается тенденция к увеличению прямого лоббирования институтами и уменьшению доли коллективного лоббирования через ассоциации. Это имеет различные последствия, в том числе и то, что прямое лоббирование не предотвращает радикализации позиции, в то время как ассоциативный подход внутренне смягчает крайние позиции (10, с. 19).

Группы интересов и лоббизм: практика Кыргызстана

В Кыргызстане при построении формальных институтов демократии за последние двадцать лет в основном делался упор на возможность для граждан в общем иметь доступ к процессам принятия решений органами государственной власти. Вопросы же практического использования такой возможности зависел и от способностей различных групп интересов реализовать такую возможность, а также от более детальной регламентации вовлечения этих интересов в систему государственного управления. Гражданское общество в Кыргызстане активно занимается лоббированием. Так, согласно исследованиям, проведенным в 2006 году, более 40% опрошенных НПО отметили адвокаси как основную часть своей деятельности (5, с. 31). Можно предположить, что эти усилия в основном были направлены на органы государственной власти и в основном в сфере социальной политики.

В то время как способность лоббировать нужные решения зависела от фактического расклада сил тех или иных групп интересов, формальное регулирование лоббизма мало являлось предметом законодательного обсуждения. В практике Кыргызстана лоббизм формально не существует как легитимная форма оказания влияния на органы

государственной власти. Есть ряд определенных положений, которые регулируют вовлечение в процесс решений граждан и представляющих их объединений: законы «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики», «О регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики», «О правительстве Кыргызской Республики» и др. Однако концептуально законодательный подход здесь совершенно другой. Он выражен в понятиях обеспечения открытости власти и обеспечении принятия эффективных решений. В какой-то мере эти законы отражают подход непризнания наличия каких-либо отдельных интересов, а, скорее, признание необходимости хоть какого-то вовлечения в процессы принятия решений граждан, которые воспринимаются как масса, не структурированная согласно своим интересам. Более того, отсутствие в правовом пространстве понятия лоббизм подразумевает, что государство не признает наличия теневых (неформальных) интересов, которые влияют на решения в системе государственного управления.

Как уже упоминалось, нынешнее законодательство признает в какой-то степени необходимость вовлечения граждан в процессы принятия решений, а более конкретно – в процессы законотворчества. До сих пор это носило декларативный характер. С принятием летом 2009 года нового закона «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» сама процедура вовлечения общественности в процессы нормотворчества стала более детальной и обязательной. Однако закон эксплицитно не признает наличие ярко выраженных групп интересов, которые могут и смогут влиять на систему государственного управления.

Наличие же каких-либо интересов, которые нуждаются в регулировании, отражены фактически только в законах «О политических партиях» и «О государственной службе», но только в вопросах конфликта интересов. Так, статья 9 закона «О государственной службе» (в редакции 2004 г.) целиком посвящена конфликту интересов, и в статье 11 есть положение о том, что госслужащий не вправе «быть представителем по делам третьих лиц в государственном органе, в котором он состоит на службе либо который ему непосредственно подчинен или подконтролен», и «получать от третьих лиц вознаграждения в виде подарков, денег и услуг за осуществление действий или бездействия, связанных с исполнением должностных полномочий». Также этой статьей оговаривается что «государственный служащий после прекращения государственной службы в течение года не может в интересах третьих лиц обращаться по месту своей прежней работы по вопросам, которые входили в его компетенцию». В предыдущей редакции закона (2002–2003 гг.) специальной статьи, посвященной конфликту интересов, не было. Хотя в статье 14-й также оговаривалось, что госслужащий не вправе «быть представителем по делам третьих лиц в государственном органе, в котором он состоит на службе либо который ему непосредственно подчинен или подконтролен». Вопросам конфликта интересов также посвящена статья 9 Кодекса депутатской этики (принят постановлением ЖК в 2008 г.). С 2004 года наблюдается достаточно широкое отражение в различных нормативных актах понятия «конфликт интересов», однако его законодательное намерение не было подкреплено конкретными механизмами регулирования конфликтов интересов. Новый закон «О политических партиях» 2008 года в статье 24 «Финансовая отчетность» регламентирует ежегодную отчетность партий о финансовых доходах в СМИ, в том числе и об указании физических

и юридических лиц, пожертвовавших партии финансовые средства. Однако вряд ли данное положение закона работает, и партии, как правило, не указывают источники своего финансирования.

Эти случаи в целом говорят о том, что формально правовая система Кыргызстана в какой-то мере признает наличие интересов, которые нуждались бы в регулировании на предмет оказания неправомерных воздействий на органы государственной власти. Однако эти интересы трактуются в основном как конфликт интересов. Хотя лоббизм и предполагает в своей основе наличие конфликта интересов, но в целом оно характеризуется как система отношений по продвижению частных интересов в органах государственной власти. В этом случае законодательство Кыргызстана не рассматривает наличие частных интересов с точки зрения лоббизма.

В последнее время не раз возникала инициатива о принятии специального закона о лоббировании. Несколько лет назад группа депутатов (Курманов и др.) парламента страны разработала соответствующий законопроект, но этот законопроект не получил поддержку со стороны большинства парламентариев (4). Сдерживание частных интересов предполагала и идея выборов по партийным спискам, поскольку считается, что партийные и фракционные позиции и, соответственно, принимаемые на их основе решения более прозрачны. В опросах Международного республиканского института на вопрос о том, почему важны выборы по партийным спискам, 22% респондентов отметили, что это будет защита прав и интересов народа в целом (14). Однако по заявлению некоторых депутатов (Байло) система партийного парламента не изжила проблему теневого влияния отдельных групп в высшем законодательном органе (4). В 2009 году Министерством юстиции КР был внесен законопроект «О продвижении (лоббировании) законопроектов», который был нацелен на регулирование практики лоббизма в Кыргызстане. Согласно справке-обоснованию, законопроект опирается на стратегию по борьбе с коррупцией на 2009–2011 годы и базируется на модельном законе, принятом Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ в 2003 году. Тот же 2009 год в этом отношении показателен инициативой ряда депутатов (И. Масалиев и др.) по пересмотру закона «О некоммерческих организациях», где одной из целей ставилось ограничение доступа неправительственных организаций к процессам принятия решений в системе государственного управления. В данном случае была предпринята попытка простого воспрепятствования, а не попытка регулирования участия групп интересов (конкретного сегмента общества) в процессах принятия решений органами государственной власти. В то время как политическое обсуждение и практическая законодательная деятельность осторожно обходят вопросы лоббизма, некоторые организации в Кыргызстане уже в качестве одного из аспектов своей деятельности выделяют лоббизм (центр «Инициатива» на сайте проекта «Открытый Кыргызстан») (3).

Выводы

Хотя лоббизм и привлекает внимание законодателей все чаще, однако есть ряд причин, которые препятствуют практическому его регулированию. Одной из причин является перегруженность повестки реформ вопросами построения базовых институтов постсоветского государства. В то время как вопрос регулирования лоббизма тоже

является важным, он заменялся общим подходом по обеспечению большего доступа граждан к процессам принятия решений в системе государственного управления Кыргызстана. Обеспечение доступа должно было выполнять и функцию большего участия для тех, кто не имеет до сих пор такой возможности, и функцию обеспечения большей прозрачности того, что делается неформальными лоббистскими группами. Изменения в вышеупомянутый закон «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики», а также ранее в закон «О доступе к информации, находящейся в ведении государственных органов и органов местного самоуправления Кыргызской Республики» (а также «О гарантиях и свободе доступа к информации») предполагали обеспечение большего вовлечения граждан в систему государственного управления и, соответственно, большего контроля за принимаемыми решениями.

С одной стороны, предпринималась попытка регулирования частных интересов за счет большего контроля со стороны граждан, и в какой-то мере на законодательном уровне эти попытки были успешными. С другой стороны, попытки их регулирования через регистрацию лоббистской деятельности не были успешными. Этому есть как минимум два объяснения. Контроль над принимаемыми решениями технически более регулируем в условиях Кыргызстана, поскольку все более или менее значимые решения процедурно уже как-то регламентированы. Помимо изменений в законах, регламентирующих эти процедуры, создавались общественные советы при министерствах и ведомствах, утверждался на правительственном уровне график встреч и отчетности государственных ведомств перед НПО (показателен в этом отношении пример Общества социальной защиты населения им. Л. Фомовой), проводились и проводятся бюджетные слушания.

Регулирование же вовлечения множества игроков в процессы принятия решений органами государственной власти технически более сложно регламентируемо. Регистрация лоббистских групп в условиях страны, где в значительной мере преобладает практика неформальной политики, очень затруднена. К примеру, уровень теневой экономики достигает половины ВВП Кыргызстана, согласно Стратегии развития страны (2009–2011 гг.). Регистрировать лоббистские организации бизнес-группы в таком случае не будут. К тому же простое создание закона не означает его эффективного выполнения. Так, согласно индикаторам управления института Мирового банка, за 2008 год у Кыргызстана лучшие показатели по качеству законов (42 из 100) и худшие по верховенству закона (8 из 100) (2).

Кроме этого, важным фактором становится концептуальная основа того, как трактовать присутствие различных интересов. Это зависит от наличия государственно-центристской модели, которая присутствует в Кыргызстане. Как видно из данного краткого анализа, государство видится как отражение сравнительно монолитного общества, которое если и может генерировать какие-либо альтернативы решениям органов государственной власти, то это в дополнение к тому, что и так уже делается государством. Государство, которое строится по модели превалирования общества над индивидом, не может концептуально видеть свою систему как порождение согласования интересов (в том числе, и сугубо частных). Более того, государство не признает наличия теневых (неофициальных) интересов, что ясно отражено в законодательстве Кыргызстана. Если какие-либо теневые интересы и присутствуют, то они являются иностранным порождением. Регулирование лоббирования основывается на принятии

неизбежности теневых интересов, и задача практики лоббирования – вывести их на формальный уровень и регулировать все заявляемые частные интересы с учетом интересов общественных.

Литература

1. *Бинецкий А.Э.* Лоббизм в современном мире. – М.: Тэис, 2004.
2. Институт Мирового банка. Всемирные индикаторы управления за 2008 г. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/pdf/WGIDataTables.pdf> (дата обращения 14 марта 2010 г.).
3. Проект Открытый Кыргызстан. Аналитические центры. URL: http://www.open.kg/ru/putevod/analytical_centers (дата обращения 22 февраля 2010).
4. Общественный рейтинг. № 417 (97). URL: http://www.pr.kg/gazeta/number_417/490/ (дата обращения 25 февраля 2010 г.).
5. Сектор НПО в цифрах и фактах (по результатам анкетирования лидеров НПО Кыргызской Республики). Ассоциация центров поддержки гражданского общества. 2006.
6. Yen-Koo Che and Ian L. Gale. Caps on Political Lobbying. *The American Economic review*, Vol. 88, No. 3 (June 1998).
7. David Coen. Empirical and theoretical studies in EU lobbying. *Journal of European Public Policy* 14:3 April 2007.
8. Timothy Frye. Capture or Exchange? Business Lobbying in Russia. *Europe-Asia Studies*, Vol. 54, No. 7 (Nov., 2002).
9. Conor McGrath. Lobbying and the 2006 US mid-term elections. *Journal of Public Affairs*. May 2007.
10. Virginia Gray, David Lowery, Jennifer Wolak. Demographic Opportunities, Collective Action, Competitive Exclusion, and the Crowded Room: Lobbying Forms among Institutions. *State Politics and Policy Quarterly*, Vol. 4, No. 1 (Spring 2004).
11. Jone M. Keffer and Ronald Paul Hill. An Ethical Approach to Lobbying Activities of Businesses in the United States. *Journal of Business Ethics*, Vol. 16, No. 12/13.
12. John Rawls. *Theory of Justice*. Belknap Press: 2005.
13. Survey of Kyrgyzstani Public Opinion. International Republican Institute. Baltic Surveys Ltd/The Gallup Organization, Siar Agency, March-April, 2006. <http://www.iri.org/news-events-press-center/news/iri-poll-finds-kyrgyzstanis-support-democratic-developments-and-direct>